

сти жилищное строительство и начать строительство подъездной железнодорожной ветки от станции Делюр до шахты. Должно было быть закончено строительство пяти районных шахт, начатое в 1940 г. и вновь заложены шахты в Куйтуне и на Половинском месторождении.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). — Ф. 127. — Оп. 1. — Д. 347.
2. ГАНИИО. — Ф. 127. — Оп. 17. — Д. 185.
3. ГАНИИО. — Ф. 447. — Оп. 1. — Д. 231.
4. ГАНИИО. — Ф. 447. — Оп. 5. — Д. 84.

Информация об авторе

Фомина Юлия Анатольевна — кандидат исторических наук, преподаватель, Колледж Байкальского государственного университета, 664047, Байкальская 126, e-mail: fomina.y@mail.ru.

Author

Yulia A. Fomina — Ph.D. in History, Instructor, Baikal College of Business and Law at BSU, 126, Baikalskaya St., Irkutsk, 664047, e-mail: fomina.y@mail.ru.

УДК 930(571.54/.55)«1918/1920»:61
ББК 63.3(2)612,11

В.А. ШАЛАМОВ

ЯПОНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В ЗАБАЙКАЛЬЕ (1918–1920): МЕДИЦИНСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается применение японцами политики «мягкой силы» в годы Гражданской войны в Забайкалье. Одним из средств создания благоприятного имиджа интервентов использовалась деятельность японских медицинских работников. Они оказывали помощь во время военных действий, боролись с эпидемиями, помогали автохтонному населению, лечили зубы. Кроме того, общественные организации Японии выделяли средства на покупку лекарств и медицинских товаров.

Ключевые слова: Гражданская война в Восточной Сибири, Забайкалье, интервенция, японские врачи в Сибири, Г.М. Криворучко.

V.A. SHALAMOV

JAPANESE INTERVENTION IN ZABAICAL REGION (1918–1920): THE MEDICAL ASPECT

The article discusses the application of the Japanese policy of «soft power» during the Civil war in Zabaikal region. One means of creating a positive image of the invaders used the activities of Japanese health pro-

professionals. They provided assistance during the military actions, fought epidemics, helped the indigenous population, treated teeth. In addition, public organizations of Japan allocated funds for the purchase of medicines and medical supplies.

Keywords: The Civil war in Eastern Siberia, Zabaikal region, intervention, Japanese doctors in Siberia, G. M. Krivoruchko.

Актуальность данной темы обусловлена двумя факторами. Столетний юбилей революционных событий и, связанной с ними Гражданской войны, неизбежно вызывают закономерный интерес у российской общественности, что и послужило опорной точкой для автора. Еще один фактор — новизна. Исследований, посвященных японской интервенции в годы Гражданской войны, вышло довольно много, но никто не обратил внимания на медицинский аспект. Возможно подобное явление сложилось вследствие того, что отечественная историография оценивала интервенцию с однозначно отрицательных позиций. Следует отметить и слабое обеспечение источниками выбранной тематики. Японские медицинские организации и лица не обязаны были отчитываться в своей деятельности перед русской администрацией, поэтому в архивах практически не встречаются документы, проливающие свет на результаты их работы. Автору статьи в качестве источниковой базы пришлось использовать сведения, почерпнутые из периодических изданий Забайкалья 1918–1920 гг. и ряд вспомогательных источников и исследований.

Японцы в своей политике использовали не только жесткие силовые методы, как это обычно декларировалось. Зачастую они были не прочь воспользоваться методами «мягкой силы». В качестве примера можно рассмотреть такой важный для них ресурс, как наличие высококвалифицированных медицинских работников в условиях острого дефицита на медикаменты и медицинских служащих в годы Гражданской войны. Данный аспект не получил должного освещения в историографии хотя он представляет собой довольно любопытную страницу в истории взаимоотношений России и Японии.

Как известно, Япония в годы Первой мировой войны выступила на стороне Антанты. В качестве жеста взаимопомощи страны направили друг другу небольшие медицинские отряды, которые служили своеобразным символом союзнических отношений. Япония, так же как и Великобритания, Франция и США, отправила в Россию небольшой лазарет, который работал в Петрограде. Миссию Японского красного креста возглавил доктор медицины, профессор Уэно и старшая сестра милосердия Томонари Томи. Кроме них было еще шесть сестер: Иосида Мина, Нагай Фуио, Огури Нацу, Окава Вака, Сугияма Фуми и Фукуда Рири, а также обслуживающий персонал. Всего 12 человек [10, с. 924]. Также японцы помогали в течение войны с поставками медикаментов и перевязоч-

ного материала, дефицит которых сразу же стал ощущаться в стране с началом военных действий, так как в основном их закупали в Германии.

Еще в конце XIX в. японцы проникают на русский Дальний Восток и Забайкалье. В Чите даже действовал экзотический дом терпимости, обслуживаемый японками. Однако, согласно законам Российской империи, японские медики не могли предоставлять свои услуги, не закончив образования в российских университетах. Это сдерживало проникновение иностранных врачей на отечественный рынок медицинских услуг.

Изменения произошли после того, как власть в Забайкалье захватили весной 1918 г. большевики. Японцы, видя слабость российской государственности, решаются на активацию своих действий. Одним из направлений их влияния в регионе становится всемерная поддержка атамана Г.М. Семенова. В состав его особого Маньчжурского отряда начинают поступать японские «добровольцы», в том числе и медработники. Историк А.М. Романов, изучавший военные формирования атамана Семенова, назвал имена некоторых из них. Например, врачи Симоно, Нобутеру Ирие, Осамото (Ли). При этом в ходе боевых действий в августе 1918 г., в числе прочих российского ордена был удостоен врач, капитан Мамезава Саданори за отличие в боях под станциями Даурия, Харанор и Сокуй [9, с. 144, 160]. Однако некоторые лица появляются в Чите еще весной 1918 г. (Ямамото, Минами).

После установления режима атамана Г.М. Семенова в Забайкалье японские войска расположились для охраны Транссибирской магистрали в крупнейших центрах Забайкальской области. При воинских частях в Чите (Антипиха), Верхнеудинске (Березовка), Нерчинске, Сретенске, Даурии стали функционировать воинские стационарные госпитали. Кроме того, во время боевых действий развертывались мобильные полевые лазареты. Сибирь всегда была слабо обеспечена медицинскими кадрами, а события Первой мировой и Гражданской войн совсем обескровили сеть лечебно-профилактических учреждений. Японцы использовали это положение ради утверждения среди обывателей благоприятного образа Японии. Японские военные врачи широко открывают двери своих госпиталей для приема больных и раненых русских солдат и офицеров. Более того, они не отказывали в помощи и гражданскому населению. Об этом свидетельствуют благодарственные письма вылечившихся пациентов, которые публиковались местной прессой. В качестве примера можно процитировать одно из таких писем: «Милостивый господин редактор! Позвольте при помощи Вашей газеты выразить глубокую благодарность японскому доктору Казимо, вылечившему мою семимесячную дочку, лечить которую отказались другие доктора от продолжительной кровавой дизентерии с осложнением воспаления легких. С почтением, боец Д. Мартынов» [4, 9 дек., с. 4]. Конечно, такие сообщения играли роль скрытой рекламы, и слава японских врачей распространилась по всему региону.

При анализе местной прессы было выявлено кроме упомянутых лиц еще 18 представителей японской медицины. В том числе в Чите врачи М. Минами, К. Ямамото, Я.Г. Хасегава, зубные врачи Ч. Чиемура, М. Танино, зубной техник Мори, в Верхнеудинске врачи А. Кунок, Тен-Мен-Оги, К. Чанго и др. Большинство из них занималось частной практикой. Вероятно, военное руководство Японии, в отличие от американцев, разрешало своим служащим работать на стороне. Пользуясь анархией, царившей в управлении областью, иностранные врачеватели охотно размещают объявления о своих услугах в газетах «Забайкальская новь», «Прибайкальская жизнь», «Вестник Забайкалья» и т.д. Их реклама напоминала зазывания торгашей на восточном базаре, что контрастировало с обычаями, принятыми у российских работников здравоохранения. В объявлениях российский врач мог указать свое имя, специальность, время приема и адрес. Дополнительно он был вправе отметить свои регалии. Все остальное считалось неприличным, т.к. порождало нездоровую конкуренцию. Японцы не стеснялись себя и помещали объявления вроде такого: «Японская лечебница доктора Я.Г. Хасегава и доктора К. Ямамото. Лечение по внутренним, хирургическим, женским болезням, выживание солитера, кожно-венерические и мочеполовые болезни. Только что получено вновь открытое в Японии средство, излечивающее импотенцию. Сифилис — препарат 914 и 606 (уколы самым усовершенствованным способом, лекарством совершенно безболезненным, обладающим более могущественной силой чем прежние, без каких-либо осложнений и последствий). К сведению больных: мною получен большой запас самых свежих лекарств...» [3, 29 окт.]. К чести отечественных медработников они не стали уподобляться своим коллегам из Японии.

Вслед за японцами в регион хлынуло множество других иностранных специалистов. Среди прочих размещали объявления китайский доктор С.Ю. Писарев, восточный доктор Кохаионг, азиатский доктор Танама и др. Встречаются и откровенные шарлатаны. Например, некий доктор Так Кун-киси заявлял, что «лечит по восточной медицине» и при этом производит «вливание по американскому способу 606 и 914» [4, 12 марта, с. 3]. Не нужно хорошо разбираться в медицине, чтобы понять, что между восточной медициной и европейскими препаратами нет ничего общего. Лишь в середине лета 1919 г. газеты обязали печатать объявления об оказании медицинских услуг только с разрешения врачебного отделения, как это и было до 1918 г. [4, 12 июля]. Поскольку врачебный устав 1905 г. давал право на медицинскую деятельность только выпускникам российских специальных образовательных учреждений, то размещать свои объявления не смогли ни японские, ни какие-либо другие врачеватели.

Осенью 1918 г. в регионе вспыхнула эпидемия инфлюэнцы (гриппа), принесенной из Монголии и Маньчжурии. Существующие медицинские организации не справлялись. Поскольку тогда боевых действий не на-

блюдалось через своего командира генерала Ооба японские военные врачи предложили городской управе организовать амбулаторию (лечебницу) для беднейших жителей Читы. Это предложение было одобрено 29 ноября на заседании городской думы. Для этой цели товарищество Второва уступило безвозмездно помещение пассажа. В декабре опытные военные доктора начинают прием, преимущественно бесплатно при предоставлении билета от городского самоуправления о несостоятельности [3, 11 дек.]. Эта лечебница просуществовала вплоть до ухода японских войск из Читы осенью 1920 г. Среди пациентов отмечалось особенно много бурят с глазными болезнями. При этом главный врач 3-й японской дивизии Нагано производил много сложных операций, которые обычно применяются только в клинических условиях [4, 26 июня, с. 3]. Кроме указанной амбулатории в Чите функционировала частная платная лечебница уже упоминавшихся докторов Я.Г. Хасегава и К. Ямамото, а на станции Маньчжурия — лечебница «Кубо» доктора К. Аmano [4, 27 февр.]. Конечно, такая деятельность заслуживает одобрения, но все же это была капля в море, поскольку реальная потребность в медицинской помощи у населения была во много раз больше.

Зимой 1918–1919 г. в Забайкалье вспыхнула эпидемия сыпного тифа, принесенного с уральского фронта. Боясь, что болезнь распространится по северному Китаю, японское командование настояло на создании на станции Маньчжурия карантина, за соблюдением которого должна была следить санитарная комиссия из русских и японских врачей. Введение своих специалистов японцами объясняется тем, что основные переносчики заразы спекулянты легко могли подкупить русских врачей. Доверие соотечественникам было больше. Такие же посты были организованы во время эпидемии холеры в Маньчжурии. В целом со своей работой комиссии справились, не допустив эпидемии за пределы государственной границы.

После падения Советской власти в Забайкалье в конце лета 1918 г., аптечная служба оказалась в плачевном состоянии. В регионе практически не производилось медикаментов, за исключением азотнокислого висмута и ляписа. При некоторых условиях в Забайкалье того времени можно было организовать производство хлороформа и ксеноформа, но они были необходимы срочно, поскольку наличные запасы были исчерпаны. Японские и американские организации взялись за поставки во Владивосток и Хабаровск медицинских товаров по себестоимости, но на организацию потребовалось определенное время. В силу этого японское военное командование в виде подарков выделяло небольшое количество лекарств и перевязочных материалов. Например, в ноябре 1918 г. командир 3-й японской дивизии генерал Ооба передал городской управе 5 ящиков перевязочных средств, потребность в которых была громадна [3, 6 нояб.]. Крупные партии медикаментов поступили в аптеки

Забайкалья только в конце декабря 1918 г. Неоднократно японцы выделяли трубки для рентгеновских аппаратов через посредство докторов Ногано и Осава. При этом объявления об этих жертвованиях помещались в печати не от имени благодарных горожан, а от имени японского военного руководства. Думается, что это хорошо спланированная акция.

Летом 1919 г. Японию посетил глава американской миссии красного креста Р. Тейслер, который ознакомил японскую общественность с условиями медпомощи солдатам колчаковской армии. Сразу после этого несколько организаций, в том числе Русское общество в Японии, Британская патриотическая лига, стали собирать средства на закупку медикаментов и средств гигиены для сибирского фронта. О гражданском населении практически не упоминалось. Однако Японское общество оказания экономической помощи Сибири нашло возможность снабдить города Забайкальской области небольшим количеством фармацевтических и перевязочных средств. В Читу было отправлено 162 ящика, в Верхнеудинск и Нерчинск по 82 ящика [4, 25 июня, с. 3–4]. Все подарки были распределены между гражданскими и военными лечебными учреждениями. Некоторое время спустя активность обществ угасла. Лишь после поездки в Японию корпусного врача действительного статского советника доктора А.В. Филиппова удалось вновь активировать общественную деятельность. В частности, благодаря посредничеству секретаря-драгомана Т. Тории удалось получить от японского правительства подарков на сумму 5 тыс. иен, главным образом медикаментов и перевязочных средств [1, 7 нояб.]. По японским данным с начала интервенции и до августа 1919 г. помощью японских врачей воспользовалось в Сибири до 60 тыс. русских граждан и было пожертвовано медицинских товаров на сумму около 100 тыс. иен [4, 19 нояб.]. Вплоть до своего ухода осенью 1920 г. японцы беднейшим горожанам Читы неоднократно выдавали подарки, помогали детским приютам, японские дети посылали подарки русским детям [7, с. 61]. Это сглаживало недовольство населения, но кардинально изменить ситуацию уже не могло.

Следуя своей политике «мягкой силы», японцы старались привлечь к себе симпатии забайкальских медработников. Для этого главный врач 3-й японской дивизии полковник Ногано организовал в Антипихе под Читой на базе военного госпиталя первое в Сибири научное заседание российских и японских врачей, а также местных провизоров. Всего присутствовало около 60 человек. Поручик Осава выступил с докладом, в котором ознакомил слушателей с устройством военно-санитарной службы армии Японии. Майор Кобаяси из госпиталя в Березовке читал доклад о шести случаях, редко встречающегося, цереброспинального менингита. Его сослуживец доктор Иошиока информировал собравшихся об образовании и подготовке японского военного врача. Последним выступил сам Ногано с сообщением о лечении глазных болезней. В за-

ключении был осмотр госпиталя и обед, на котором производились дружественные тосты [4, 2 авг.]. Такое мероприятие, вероятно, с точки зрения японского командования, должно было поднять авторитет Японии в глазах местной интеллигенции.

Интересно отметить один факт. На научном заседании, да и в последующем особой активностью отличался врач Г.М. Криворучко. До войны он был санитарным врачом в Чите. Как пишет библиограф-краевед Н.В. Попека в начале 1920 г. Криворучко был вынужден мигрировать в Китай, так как Советская власть не одобрила бы его «сотрудничества» с войсками атамана Семенова. В последующие годы он жил в Шанхае. Дальнейшая его судьба была неизвестной [5, с. 174]. На сегодняшний день удалось выяснить некоторые обстоятельства его жизни. С установлением режима атамана Семенова в Забайкальской области Г.М. Криворучко был мобилизован в армию и определен в Читинский военный госпиталь. В середине июля 1919 г. его отправили в качестве старшего врача в один из карательных казачьих полков, направленных на юго-восток области. Он имел тесный контакт с японскими военными. В частности, на упомянутом научном заседании он переводил часть докладов с немецкого на русский язык. В августе он был прикомандирован к штабу 3-й японской дивизии, с которым, вероятно, в последующем и был эвакуирован [4, 27 авг.]. Поселившись в Шанхае, он поступил на службу в Русский полк. К 1932 г. он числился в этом полку в звании лейтенанта [2]. Он продолжал контакты с японцами и в эмиграции.

Известно, что у японцев была хорошо поставлена разведслужба. Примером тому может послужить история доктора Хана в Иркутске. Этот врач, практиковавший тибетскую медицину, поселился в Иркутске и создал агентурную сеть из китайских рабочих, которые искали компрометирующие сведения на чиновников и военных, а когда те приходили на прием к модному доктору, то тот их начинал шантажировать и, в конце концов, добивался получения необходимых ему сведений [8]. Примерно то же самое могло происходить и в Забайкальской области. Не впадая в горячку, можно отметить ряд подозрительных моментов. Прежде всего, это чрезмерный интерес доктора Г.М. Криворучко к японским военным. В бесплатной лечебнице в Чите часто принимали бурят, которые более, как местные, более всего подходили на роль соглядатаев. К тому же им импонировала панмонголистская пропаганда Японии. Большое число японских врачей практически по всему региону практически не поддавались какому бы то ни было контролю. Следовательно, они гипотетически также могли собирать необходимые сведения. Впрочем, они могли выполнять не только функции шпионов. К примеру, когда в Читу прибыл глава следственной комиссии по расследованию противозаконных и неправильных по службе действий атамана Семенова генерал-лейтенант Г.Е. Катанаев, подхвативший

в Иркутске инфлюэнцу, то ему с помощью приставленных японских медработников помешали проводить полноценную информационно-дипломатическую работу. «Японские врачи, приставленные ко мне генералом Ооба, более недели не выпускали меня даже из нашего вагона...», — писал он в своих воспоминаниях [6, с. 201]. Напрямую подозревать всех медработников из Японии в шпионаже мы не можем, но все же косвенных свидетельств более, чем достаточно, поэтому можно отмечать, что оказание медицинских услуг населению Забайкалья часто сопровождалось разведывательной деятельностью. Это был один из каналов поступления информации.

Представители японской медицины приняли самое непосредственное участие в интервенции в Забайкальской области в период Гражданской войны 1918–1920 г. Кроме помощи войскам, они в качестве вольнопрактикующих медицинских специалистов вели активную практическую работу. Ими были организованы лечебницы (амбулатории) в Чите и на станции Маньчжурия с бесплатным приемом пациентов. Японские общественные и коммерческие организации способствовали поставкам медицинского товара, в том числе с благотворительной целью. Военные медики пытались перетянуть симпатии местной интеллигенции в сторону Японии. Вероятно, часть работавших в Забайкалье медицинских работников была связана с разведслужбой Японии, на что указывает ряд косвенных признаков. Сам факт активной деятельности медработников интервентов говорит о гибкости их политики, которую можно трактовать как «политику мягкой силы».

Список использованной литературы и источников

1. Вестник Забайкалья (Чита). — 1919.
2. Волков С. В. Участники Белого движения в России: [Электронный ресурс] / С. В. Волков. — Информационная база данных. — Режим доступа : <http://swolkov.org/info1.htm>.
3. Забайкальская новь (Чита). — 1918.
4. Забайкальская новь (Чита). — 1919.
5. Календарь знаменательных и памятных дат истории здравоохранения Забайкальского края на 2011 год / ред.-сост. Г. И. Погодаева; ред. Н. В. Попека. — Чита : Экспресс-издательство, 2011. — 204 с.
6. Катанаев Г. Е. На заре сибирского самосознания: воспоминания генерал-лейтенанта Сибирского казачьего войска / отв. ред. А. Л. Посадсков. — Новосибирск : СО РАН, 2005. — 367 с.
7. Константинов А. В. Забайкалье: Ступени истории (1917–1922 годы) / А. В. Константинов, Н. Н. Константинова. — Чита : Экспресс-издательство, 2009. — 192 с.
8. Перевалов А. Японское консульство в Иркутске [Электронный ресурс] / А. Перевалов // Паритет. — 2006. — Режим доступа : <http://www.pribaikal.ru>.
9. Романов А. М. Особый Маньчжурский отряд атамана Семенова / А. М. Романов. — Иркутск : Оттиск, 2013. — 308 с.

10. Список сестер милосердия Российского общества красного креста. — Пг. : Гос. тип., 1915. — 924 с.

Информация об авторе

Шаламов Владимир Александрович — кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, e-mail: Wladimir13x@ya.ru.

Author

Vladimir A. Shalamov — Ph.D. in History, Associate Professor, Department of history of Russia, Historical faculty, Irkutsk state University, 2 Chkalova St., Irkutsk, 664025, e-mail: Wladimir13x@ya.ru.

УДК 338.43(571.53/.54)(09)
ББК 65.32(253.5)г

А. Ф. ШУПЛЕЦОВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ

Исследуются основные тенденции развития агропромышленного комплекса Прибайкалья в 1980–1990-е гг. Анализируются причины, сдерживающие эффективное развитие сельскохозяйственного производства и деятельность органов власти по развитию аграрного сектора области. Оцениваются перспективы решения продовольственной проблемы в регионе.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, Иркутская область, зерновое хозяйство, животноводство, продовольственная программа.

A. F. SHUPLETSOV

HISTORICAL EXPERIENCE OF REGIONAL FOOD PROGRAM REALIZATION

The article studies main trends of the Baikal region agro-industrial complex, in 1980–1990. The author analyzes factors that limited effective development of agricultural sector and evaluates prospects of food problem solution in the region.

Keywords: agro-industrial complex, Irkutsk oblast, grain farming, live stock breeding, food program.

Проблема надежного обеспечения населения продуктами питания не теряет своей актуальности. Перед страной стояла и остается задача в возможно короткие сроки надежно обеспечить население продуктами питания. Дело это нелегкое. К середине 1980–х гг. городское население воз-